

Борис Минаев

Поверх всего

Есть вещи, которые понять, объяснить, логически выстроить — невозможно. В незапамятные 60-е Нодар Думбадзе написал текст под названием «Я, бабушка, Илико и Илларион». Этот текст сделал его знаменитым, он в каком-то смысле стал одним из символов Грузии (советского периода) — так же, как фильм «Мимино», ансамбль «Орэра», песни и романсы в исполнении Нани Брегвадзе, грузинское кино. Текст въелся в сознание, он стал соразмерен и созвучен всему, что представляло Грузию в советском мире — анекдотам про грузин, играм тбилисского «Динамо», страстному голосу футбольного комментатора Котэ Махарадзе и так далее.

Казалось бы, все это в далеком прошлом.

Но вот прошла эпоха, и текст вернулся.

Я приехал в Екатеринбург по делам в конце небывало жаркого лета 2021 года. Несмотря на постоянные сообщения о смоге, лесных пожарах, страданиях людей от жары (которые полностью соответствуют действительности), — город практически ликовал. На набережных городского пруда, на Плотинке и вокруг — постоянный бал летних мод, весь город приходил радоваться солнцу, хорошей погоде, все кайфовали и развлекались как могли.

И тем не менее в тот вечер в Камерный театр (который от набережной в двух шагах) пришел народ, — весь зал был заполнен, и было понятно, что это не «своя» (то есть родственники и знакомые) и не случайная публика — люди, которые уже заранее были наслышаны о спектакле.

Это моноспектакль Георгия Иобадзе. Он начал его готовить еще в Екатеринбургском театральном училище — в качестве дипломной работы. Родившийся из студенческих этюдов, спектакль живет на разных сценах уже довольно долго. Сейчас он «прописан» на сцене московского театра на Юго-Западе, но в Екатеринбург Иобадзе привозит его регулярно, несколько раз в год. В 2018 «Я, бабушка, Илико и Илларион» получил приз в Перми на фестивале моноспектаклей. И зрители приходят, я уверен, потому, что слава бежит впереди этого не очень длинного представления, — они идут за определенными эмоциями, за какой-то не очень четко выразимой, неясно формулируемой и все же очень внятной мыслью, которая родилась в итоге у создателя.

Какая же она, эта эмоция?

В 1990 году мы вместе с соавтором, Виктором Кияницей, поехали в Цхинвали, писать о самоубийстве одного мальчика, старшеклассника. Материал потом вышел под названием «Смерть комсомольца». Помню, как наши собеседники в Цхинвали водили нас от здания к зданию и показывали следы пуль. Помню, какой испытал тогда ужас.

Потом были годы и годы, и в 2008 году я ехал в машине, включили радио, и я впервые услышал о том, что российская армия вошла на территорию Грузии, что идут бои. Это был еще больший ужас. Еще большая боль.

Никогда не забуду это чувство.

Потом война кончилась, пропаганда стихла, потом даже открылась Грузия, я поехал в Тбилиси...

Но все равно оставалось ощущение — что пробираешься через какие-то завалы — завалы боли, страданий, обид. Что идешь по какой-то очень узенькой тропиночке — шагнешь чуть в сторону и опять поскользнешься. Упадешь куда-то.

Вот в этом общежитии долго-долго жили беженцы из Абхазии, вот из-за этой горы вылетали российские военные самолеты (с этих кадров, кстати говоря, начинается экспозиция Музея оккупации в Тбилиси, куда я тоже не преминул зайти). Завалы, завалы, завалы — везде.

Так вот, спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион» — несет в себе чувство освобождения от этого прошлого, он как бы входит в тебя «поверх всего», он начинает нашу «внутреннюю Грузию» как бы с чистого листа — вот с этого забытого ощущения восторга, яркости, чистоты восприятия: фильм «Мимино», игры тбилисского «Динамо», анекдоты и шутки, образ веселого и гордого народа. Образ яркой души, к которой поневоле тянешься.

Как он это делает, молодой, в общем, мальчик?

Не совсем понятно.

Иобадзе — танцор. Танцор, причем, великолепный. Но в спектакле нет как такового традиционного грузинского танца, нет «балета» — есть только выпуклые, отдельные, как бы взятые сквозь лупу, движения — из них поначалу и строится язык спектакля. Эти отчаянно-веселые, бесшабашно-страстные движения рук, ног, головы, пальцев, которые объясняют любое состояние, любую игру слов.

Эти загадочные, порой магические движения — завораживают, но они же возвращают нам вот это чувство узнавания прежней Грузии, прежнего грузинского характера — поверх всего. Поверх всех тяжелых воспоминаний.

В спектакль вошли, разумеется, лишь несколько новелл из текста Думбадзе — и все они показаны сквозь эту волшебную пластику, которая помогает рождаться эмоции — эмоции узнавания и сочувствия.

Наверное, любой актер в моноспектакле — немножко шаман, немножко маг, ведь ему приходится держать зал более часа в напряжении, без гипноза тут не обойтись. Но у Иобадзе это гипноз светлый, чистый.

Новелла о смешном притворщике, о неудачной охоте, на которой случайно застрелили собаку, о любовном письме, попавшем к бабушке, о смерти самой бабушки — вся эта неуывадаемая классика Думбадзе — оказалось, что нет, это не о деревенском детстве и даже совсем не о детстве, хотя вроде бы оно явлено тут во всей простой мощи, — это о другом.

О том, что все, что нами потеряно, похоронено, все что завалено этими страшными событиями, десятилетиями исторических потрясений (видимо, неизбежных после стольких лет советской власти) — оно никуда не делось. Оно с нами. Это чистое и светлое счастье, как глоток легкого вина в жаркий день, обретения друга, дружественной души, дружественного жеста. И это не только о Грузии. Это вообще обо всем — ничто никуда не девается, не проходит. То, что настоящее: свобода и любовь, память и гармония, — оно всегда будет с нами.

Поразительная вещь получилась из студенческой работы, из пластического этюда Георгия Иобадзе, из «музыкально-литературной композиции». По-настоящему глубокая.

И в поразительном месте я ее увидел, надо сказать.

Полное название Камерного театра Екатеринбурга — Камерный театр Объединенного музея писателей Урала. Располагается он в так называемом «Литературном квартале» — месте знаковом для города. Очень важным.

Когда-то почти весь центр Екатеринбурга состоял из старых купеческих особняков, заполненных коммуналками, тяжелым и скученным жильем, в лучшем случае — советскими конторами. Их безжалостно сносили. Но еще в середине 70-х годов на одной из таких улиц, ближе к набережной городского пруда, было решено устроить некий «музейный остров», бережно сохранив деревянный резной модерн, ажурное убранство старых купеческих особняков, дух прежней жизни. Для того времени это было смелое, почти революционное решение. В советскую метафизику оно совсем не укладывалось. Но архитекторам и поддержавшим их городским руководителям (среди которых можно назвать и Бориса Ельцина, и Лидию Худякову, которая в то время занималась культурой в обкоме партии) — помогли уральские писатели. Их легенда, их авторитет, их почетное место в учебниках и хрестоматиях. Это были, прежде всего, Дмитрий Мамин-Сибиряк, Павел Бажов, Фёдор Решетников. Уроженцы здешних мест. Любимцы советских библиотек. Вокруг их имен и родилась эта идея — восстановить, реставрировать кусочек старого Екатеринбурга, вдохнуть в него новый воздух.

Что получилось в итоге?

Если говорить формально, Объединенный музей — это несколько мемориальных домов-музеев, это музей писателей XX века с отдельной экспозицией, посвященной уральской фантастике, это литературный музей детства.

...Я очень люблю сюда заходить. Во-первых, из-за названия: Литературный квартал — ну где еще есть такое чудо? Не дом, не музей, а целая улица, целый квартал, посвященный литературе. Отовсюду глядят писательские портреты, цитаты, и, конечно, невозможно не заметить самый необычный памятник Пушкину, изо всех, что я видел, — Пушкин в ночной сорочке, поднявшийся среди ночи, чтобы записать строку или увидеть в темноте вдохновившую его метафору. Удивительный. Замечательны и те идеи, которые постоянно меняют и ломают привычную вроде бы уже экспозицию музея уральских писателей XX века, — помнится, была тут прекрасная выставка, посвященная уральскому самиздату. Пишущие машинки, копирка, рукописные тетради, порой крошечные, самиздат политический и литературный, манифесты и стихи, все это было необычайно интересно — такого количества уникальных артефактов, объединенных одним замыслом, я давно не видел. Так же мне понравилась и последняя идея писательского музея — «литература в эвакуации» — ведь во время войны сюда приехали не только заводы, учреждения, но и люди. Вообще, бережность в отношении всех событий, всех людей литературного Урала тут удивительная — здесь не забыли, каким прекрасным детским писателем была мама Эрнста Неизвестного Белла Дижур, здесь не потеряны даже мельчайшие свидетельства о коротком пребывании в Екатеринбурге-Свердловске Высоцкого и Пастернака, Вознесенского и Маяковского.

И каждое из таких свидетельств — бережно проиллюстрировано и ярко подано.

Экспозиция музейная, одним словом, не застывшая, не мемориальная только, она текучая, как сама жизнь.

Но возникает, конечно, вопрос: а насколько позволительно вообще говорить о

феномене уральской литературы, о том, что на Урале, и в частности в Екатеринбурге (хотя и не только здесь, но и, скажем, в Перми или Челябинске), есть какая-то особая литературная школа или «ветвь»?

В Ельцин-центре, например, я года два назад затеял цикл литературных встреч с разными писателями, не только уральскими, но бывали у меня, конечно, и те, кто здесь вырос, начинал, и кто до сих пор живет и пишет, в гостях нашего цикла «Два города» уже побывали Алексей Иванов и Евгений Ройзман (прекрасный, надо сказать, новеллист), Анна Матвеева и Ольга Славникова, Алексей Сальников и молодой Павел Селуков, вошедший недавно в короткий список «Большой книги». Не успел, к сожалению, пригласить ушедшего от нас Игоря Сахновского. Собираюсь устроить большой вечер уральских поэтов, посвященный Борису Рыжему. Так что судите сами — есть она или нет, эта уральская литература?

Литература, берущая свое начало от тех самых классиков — Мамина-Сибиряка и Бажова и развившаяся за последние годы в явление огромное.

И все же это, может быть, единственный литературный музей в стране, который не только занял в городе целый квартал, но и создал свой театр. Да, в самом начале Литературного квартала находится теперь Камерный театр. Его задача — воплощать на сцене литературу, делая ее зримой и яркой. Первый спектакль играли прямо в саду одного из особняков на улице Толмачёва, потом взяли целое помещение и долго его реконструировали. И вот теперь театр есть, — здесь поставлены и «Повести Белкина», и целый ряд спектаклей по Чехову (среди постановщиков, например, Николай Коляда и Дмитрий Зимин, известные в Екатеринбурге режиссеры), но, наверное, дело не только в этом. Как и музей, — театр живой, текучий, пластичный, и завещанные нам в «Чайке» Треплёвым «новые формы» здесь не нужно искать — они приходят сами. Это и фестиваль спектаклей для подростков и о подростках «Свой», и иммерсивные спектакли в музейных пространствах, и пушкинский фестиваль, собирающий вокруг удивленного Пушкина в ночной сорочке десятки тысяч людей.

Екатеринбург — город настолько литературный, что даже такое отдельное явление, как театр, он переделал в литературу, в звучащее слово, в словесный образ.